

И. С. Филиппова

Рязанские деловые источники XIV–XVI вв.: качество Ъ

Деловые документы XIV–XVI столетий, относящиеся к Рязанскому краю¹, до сих пор мало использовались специалистами при изучении рязанского говора указанного периода.

Краткая характеристика особенностей письма и языка имеется во вступительной статье А. И. Соболевского [Соболевский 1913: 5–6] к публикации самого древнего памятника рязанской деловой письменности, сохранившегося в подлиннике — «Жалованной даншой и тарханшой грамоты рязанского великого князя Олега Ивановича Ольгова монастыря игумену Арсению на село Арестовское с погостами, землями и угодьями, в Рязанском княжестве» (ок. 1371 г. декабря), которая и поныне хранится в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА, ф. 210, ГКЭ по Рязани, № 1/9821). Трехцветное цинкографическое и побуквенное кириллическое наборное воспроизведение текста грамоты [Сборник МАМЮ: 5–7], а также побуквенное воспроизведение текста современным гражданским шрифтом с добавлением недостающих букв древнерусского алфавита [АСЭИ III: 356–358] делают его пригодным для лингвистических исследований.

Отдельные материалы из рязанских грамот XV–XVI, а также и XVII вв., привлекаются в монографии Е. Будде, посвященной исследованию рязанского говора конца XIX столетия [Будде 1892: 161–268].

Другие наблюдения над деловыми рязанскими источниками XIV–XVI вв. нам неизвестны [отметим работы, построенные на рязанских актовых материалах более позднего времени: Борисова 1956; она же 1957а; она же 1957б; Новопокровская 1956; она же 1958; Гал-

¹ Рязанским краем, а далее также и Рязанской землей, условно называем территорию, соответствующую в основном Рязанскому княжеству XIV–XVI вв., которое в 1521 г. было присоединено к Москве.

кина 1958; она же 1959; она же 1961]. Недостаточное внимание к рязанским рукописям указанного периода объясняется не только сложностью интерпретации написаний, но и тем, что подлинных книг и актов, относящихся к Рязанскому краю этого времени, сохранилось очень мало. Помимо указанной жалованной грамоты Олега XIV в. с середины прошлого века были известны отдельные подлинные и в списках рязанские акты XV—XVI вв., со значительными упрощениями опубликованные историками [АИ 1: № 13, 14, 80, 113, 118, 136; Пискарев 1854: № 1-12, 14, 18-20]. В некоторых случаях грамоты переиздавались до трех и даже до четырех раз², но лингвистического воспроизведения текстов не было, что затрудняло или делало невозможным изучение фонетических особенностей рязанских говоров XV—XVI вв.

Во время разыскания нами источников, которые вошли в состав книги «Памятники русской письменности XV—XVI вв. Рязанский край» [Пам. Ряз.], часть ранее опубликованных историками грамот, местонахождение которых в дальнейшем не было известно, удалось обнаружить в фондах ГАРО и ЛОИИ [Пам. Ряз.: № 1-4, 8, 10-12, 18, 40; списки: 51-53, 63]. Кроме того, в этих и других архивохранилищах были выявлены и ранее не публиковавшиеся рязанские тексты [Пам. Ряз.: № 16, 19-22, 25-27, 29-36, 38, 39, 41-43, 45-50; списки: 61, 62, 64, 65 (частично), 66-84].

Материалы XV—XVI вв., опубликованные в Пам. Ряз., не все в равной степени могут быть использованы при изучении фонетических особенностей говора рязанских писцов того времени. Особенно это касается поздних списков XVII—XVIII вв.³

² Так, подлинная «Жалованная грамота великой княгини рязанской Анны игумену Солотчинского монастыря Антонию о восстановлении прав монастыря на борть на Михайловой горе, отданную великой княгиней Софьей женскому Зачатьевскому монастырю, с поставкой этому монастырю ежегодно меда и рыбы на праздник» (1483—1501 гг.) была в 1841 г. опубликована по подлиннику [АИ 1: № 80]; в 1854 г. по подлиннику же переиздана [Пискарев 1854: № 7]; в 1889 г. перепечатана с публикации А. Н. Пискарева [Рязанские достопамятности 1889: 37, прим. 330]; в 1964 г. перепечатана с публикации АИ [АСЭИ III: № 334]. «Жалованная льготная грамота великой княгини рязанской Анны игумену Солотчинского монастыря Арсению на село Чешуевское в Романовской волости Рязанского княжества» (1483—1501 гг.) также была по подлиннику опубликована [АИ 1: № 81; Пискарев 1854: № 8], а затем перепечатана с публикации АИ [АСЭИ III: № 333] и т. д.

³ То же самое относится к рязанским актовым материалам, сохранившимся в списках XVII—XVIII вв. и опубликованных А. Юшковым [Юшков 1898].

Среди актовых материалов Рязанского края для изучения фонетических особенностей языка писцов в работе выделены прежде всего подлинники XV—XVI вв., принадлежащие руке рязанцев, и такие документы, в которых имеются прямые или косвенные свидетельства о том, что они местного происхождения.

Например, Купчую Ивана Злобы Андреева сына Воряшаева на половину села Екиматова (Некиматовского) Капевской волости Коломенского уезда, купленную у брата Федора Андреева сына Воряшаева (после 30 марта 1486 г.) [Пам. Ряз.: № 6] писал «Федоръ Ѡндрѣвъ снѣ Воряшаева сам своею рѣкою».

В связанной с этим же селом второй купчей, относящейся к 1515—1516 гг. [Пам. Ряз.: № 13], имеется также указание на то, что ее писал «сам своею рѣкою» другой представитель семейства Воряшаевых — Семен Злобин сын. Как видно из содержания этих двух грамот и из данных других поземельных актов [Юшков 1898: 343], Воряшаевы — род рязанских помещиков. На их местное происхождение указывает также и то, что они внесены в Синодик конца XVI в. Спасского Преображенского монастыря в Переяславле-Рязанском ⁴.

Прямое указание на место создания имеется в Договорной (докончальной) грамоте рязанского князя Федора Васильевича со своим братом великим князем рязанским Иваном Васильевичем 1496 г. августа 19 [Пам. Ряз.: № 7]: «а писано въ Переславли».

В заключительных строках Данной Богоявленскому Борковскому монастырю Булгака Андреева сына Корокодымова ... 1575—1576 гг. [Пам. Ряз.: № 41] от имени рязанского землевладельца сообщается: «а даную писал мои члѣвкъ Булгаков Васка Евсѣвиав снѣ». На местное происхождение документа указывает также и то, что среди послухов был «владычен подиячей Садоѡ Савин снѣ» и «у сеи у данаи» сидел отец духовный Булгака Андреева сына Корокодымова — «егорьевская пол Стеван Борисав снѣ» и т. д.

На основании подобных и других исторических свидетельств для исследования были отобраны следующие акты: Пам. Ряз. № 1-7, 9-13, 16, 17, 19, 31, 34, 41. Из-за недостатка места все доказательства принадлежности их рязанским писцам в статье не приводятся. Вместе с двумя писцами Жалованной грамоты в. кн. Олега рязанского (далее ЖГ 1 и ЖГ 2) в рассматриваемых материалах представлены написания двадцати писцов основных текстов.

⁴ Синодик не опубликован, хранится в Рязанском историко-архитектурном музее-заповеднике, № 8609.

Все перечисленные выше рязанские актовые материалы XIV—XVI вв. могут служить надежными лингвистическими источниками для изучения фонетических особенностей говора рязанских писцов указанного периода.

* * *

Одним из важных вопросов древнерусского вокализма является история фонемы [ě], так как наличие или отсутствие ее в значительной степени определяет систему гласных фонем говора. Особенно интересно проследить состояние фонемы [ě] в рязанских говорах XIV—XVI вв., относительно чего имеется не совсем точное, на наш взгляд, свидетельство Е. Будде [Будде 1892] (подробнее см. об этом ниже).

В распоряжении исследователей, анализирующих рукописные источники, нет прямых свидетельств о том, была или нет в живом языке писавшего фонема [ě]. Только на основании употребления букв на месте ѣ можно сделать заключение, сохранялось ли в говоре писца особое звучание фонемы, или она совпала с другими звуками.

Все написания в соответствии с этимологическим [ě] рассматриваются в зависимости от ударного (А) и безударного (Б) положения.

В рязанских грамотах отсутствуют знаки ударения, поэтому при определении его места в том или ином слове ориентируемся в основном на современное русское литературное произношение. Конечно, проецировать современное литературное ударение на ударение в словах, встретившихся в наших рукописных источниках XIV—XVI вв., в принципе допустимо, но только с известной долей осторожности [см. Иванов 1960: 210]. Там, где это возможно, помимо современных данных, используем показания акцентированных письменных памятников, приведенных в исследованиях Л. Л. Васильева и В. В. Виноградова [Васильев 1905а: 177-227; он же 1905б: 295-338; Виноградов 1923: 188-348]. Так, формы *ср. р. тв. мн.* «с мѣсты» и *местн. мн.* «въ дѣлехъ» [Пам. Ряз.: № 7] с ударным [ě] приводятся в наших материалах в группе А, так как Л. Л. Васильев писал о «коренной акцентовке слов дѣло, мѣсто, лѣто в множ. числе» и приводил пример из Уложения: «дѣлехъ 8 об., 16 об., 39, 41 об.» [Васильев 1905а: 209-210]. Такое же ударение предполагаем и в форме *м. р. местн. мн.* во двѣрехъ [Пам. Ряз.: № 7] на основании объяснения того же автора: «Объяснение 18. двѣрехъ. Это единственно возможная акцентовка для церковных старопечатных книг: во двѣрѣхъ Пс. 1568 г. 125, Тр. П. 1589 г. 18 об., Охт. 1594 г. 121, Мин. 1607 г. 155 об., Потр. 1623 г. 80 об. Ее знает Улож. (во) двѣрехъ 24, 35, 45, 144» [Васильев 1905а: 214]. Разбирая формы *местн. пад. мн. числа м. рода*, Л. Л. Васильев указал, что «от слов с

выдержанною во всех падежах наконецною акцентовкою вроде дворь, рубль, скоть этот падеж (местн. мн. — *И. Ф.*) в древности мог иметь ударение на корне» [Васильев 1905б: 329]. В то же время в формах, «попавших под влияние основ на -а», обычна накопечная акцентовка [Васильев 1905а: 210], поэтому форма *местн. мн.* (в) крепостѣх приводится нами в группе Б.

Формы сравнительной степени старѣшим (2)⁵, стариши, старишии [Пам. Ряз.: № 7] рассматриваются также в группе Б на основании акцентовки, данной Л. Л. Васильевым: «Объяснение 16. старѣшимъ. Накоренная акцентовка обычна, ср. у Грибоедова: Нет-с старѣ меня по корпусу найдутся; Что старѣ, то хуже; ср. старѣи Тр. П. 1589 г. 148; кончее Улож. 118 об.» [Васильев 1905а: 213]. В. В. Виноградов, анализируя московские договорные грамоты, «в которых случаи замены ь через е падают исключительно на безударные слоги», приводил среди других написаний формы стареиши 1; 45; стареишимъ 3; старейши 2; 36; стареишим 5 и т. д., тем самым признавал также возможность ударения в этих словах на корне [Виноградов 1923: 251-252].

К группе Б относятся написания налево [Пам. Ряз.: № 5] и налево [Пам. Ряз.: № 7], так как в XVI в. возможно иное по сравнению с современным русским языком ударение, отмеченное Л. Л. Васильевым: «Объяснение 8. на́лево. Так обычно в Ратн.: 52 об., 66 и во многих других местах; ср. соврем. народное об́лво словарь Даля. Интересно употребление ь и е в этом слове в четырех межевых 1504 г. (копиях) I № 138, 139, 140, 141. В них слово лѣвь употребляется очень часто (до сотни раз) в сложении с предлогом на и исключительно после л с буквою е : на лѣвь или налеве, налево и рядом с этим несколько раз встретилось с предлогом въ и все разы написано после л буква ѣ» [Васильев 1905а: 211-212].

В группе Б (безударные окончания) рассматриваются написания «по меже», «на меже» [Пам. Ряз.: № 7, 9], а также «по лесу» [Пам. Ряз. № 31]. Л. Л. Васильев не один раз писал о переносе ударения со знаменательного слова на предлог *по*, с которым оно встречается: «Акцентовку *по́* душе можно привести из Улож.: “*по́* дше не ѿдать 194 об., 215 об.”» [Васильев 1905а: 211-212], «*по́* хѣ Ап. 1564 г. 157» [Васильев 1905б: 327]. В других случаях — на предлоги *во*, *на*: «Объяснение 2. *во́* веки, *на́* веки, *на́* свете, *на́* спехъ. Это все — однородные случаи, и такая акцентовка обычна в старопечатных моск. книгах» [Васильев 1905а: 208].

Ниже из рязанских грамот, расположенных в хронологическом порядке, приводятся написания в соответствии с этимологическим

⁵ Здесь и далее цифра в круглых скобках обозначает количество словоупотреблений.

[ѣ], находящимся в ударном (А) и безударном (Б) положении, перед буквами, обозначающими твердые (1.) и мягкие (2.) согласные, перед [j] (3.), а также на конце слова в открытом слоге (4.). Под буквой В объединяются все встретившиеся единичные написания с буквой ѣ на месте этимологического [е]. Внутри каждой подгруппы сначала даются написания с буквой ѣ, а затем, если они имеются, с буквами е, ю, е, и, і, ы.

Так как в древнерусской письменности уже с XI в. встречаются формы дат.-местн. ед. *земль*, появившиеся под влиянием твердой разновидности склонения сущ. с основой на -а, то эту и другие подобные написания с орфографическим ѣ условно рассматриваем в одном ряду с написаниями, в которых буква ѣ употреблялась исконно.

Первый писец. Жалованная грамота в. кн. ряз. Олега Ивановича (ок. 1371 г. декабря) (ЖГ 1).

А 1. рѣзанъкою, возрѣвъ, с рѣзанками, со всѣм (2), съ глѣбом, мѣста, ѡтвѣтъ 2. со всѣми, [с] перевѣсьици (2), сѣдѣти, (ѡ) дѣлъ, арсѣнюю 3. андрѣевич, ѡремѣи 4. по животь, гдѣ; Б 1. пѣсочна, прадѣды 2. прадѣди (2), сѣдѣти, не ѡбидѣти 3. манасѣа 4. на ѡлговѣ, в ѡчинѣ, (ѡ) дѣлъ; мѣтвую стое бѣи, [мо]настырь стое бѣи.

Второй писец. Приписка в Жалованной грамоте в. кн. ряз. Олега Ивановича (ок. 1371 г. декабря) (ЖГ 2).

А 1. ѡбѣтъ 3. к стѣи бѣи 4. тогдѣ; Б 1. выпехалъ 4. въ ѡчинѣ, ѡчины ись своеге.

Третий писец. Докладная купчая (1464—1482 гг.) [Пам. Ряз.: № 1].

А 1. вѣдати; со всим тимъ, со всим тим 3. чернѣва, чернѣвъ 4. мнѣ, (на) сель.

Четвертый писец. Дашная Настасѣи (1482—1483 гг.) [Пам. Ряз.: № 2].

А 1. вѣдати, вѣдал, вѣдала, в лѣт, съ всѣм с тѣм; со всим с тим 3. стѣи бѣгородици 4. собѣ, животь, мнѣ; Б 4. после.

Пятый писец. Жалованная льготная грамота в. кн. ряз. Ашѣи (1483—1501 гг.) [Пам. Ряз.: № 3].

А 1. мѣсто (2), лѣт, рѣзанка, тим людем 2. арсѣнѣа, арсѣнеи 3. казначѣем; Б 2. вѣщають 4. не надобѣ.

Шестой писец. Жалованная грамота в. кн. ряз. Анны [1483—1501 гг.] [Пам. Ряз.: № 4].

А 1. вѣдат 2. с перевѣсьи 4. по старинѣ; Б 4. с тое.

Седьмой писец. Разъезжая грамота ряз. боярина Матвея Денисьевича (Булгака) (1483—1503 гг.) [Пам. Ряз.: № 5].

А 1. ѣхол к порѣломѣ (погорѣломѣ) пѣню 2. на розѣзде (2) 3. ѡсѣвѣ (2), матѣем (2); Б 1. налѣво 4. на розѣзде (2), по дорозе.

Восьмой писец — Федор Андреев сын Ворышаева. Кунчая на половину села Екиматова (После 30 марта 1486 г.) [Пам. Ряз.: № 6].

А 1. с лъсы 2. со всѣми, дѣтем, (в) оуезде 3. ѿндрѣев (2), ѿндрѣева, ѿлексън 4. собѣ; Б 4. (к, на) половинѣ (2); (в) оуезде.

Девятый писец. Договорная (докончальная) грамота ряз. князей (1496 г. августа 19) [Пам. Ряз.: № 7].

А 1. нѣт, лѣт, иновѣрца, повѣдати (2), вѣдана (2), вѣдати (4), вѣдают (5), вѣдает (2), ѣхати, ѣхали, дѣло (2), дѣл, ѣдѣл, дѣлат, из ѣдѣл , глѣба (2), ѿ вѣка, лѣс, с тѣм (2), с тѣмъ (2), тѣмъ дат. ед., в тѣх, из тѣх (2), всѣм, с кѣм (3), чѣм (2), с мѣсты (2) тв. мн. 2. хотѣти (4), с отъждими (2), дѣтем (10), всѣми (4), (на) мѣсте, всѣсти, велѣти, рѣчки, здѣшнеи, (в) ѣдѣе (2), (в) [л]ѣсе, сѣсти, (в) ѣздѣ (2), намѣстник (5), намѣстника (2), намѣстником (2), намѣстникомъ (2), намѣстникѣ, (в) дѣлех, в дѣле; придет (2) 4. мнѣ (26), собѣ, себѣ (2), тебѣ (11), вездѣ (4), (о) добрѣ (2), тобѣ (11), гдѣ (4), (в) сторонѣ (2), тѣ (5), по старинѣ (10), по окѣ рекѣ, кѣдѣ, всѣ, в тамгѣ, в татѣ (5), (в) рекѣ, в каковѣ, робѣ, в мордѣвѣ, (в) рецѣ (2), на цнѣ (3); мнѣ; Б 1. цѣлѣи, по грѣхом, (на) доводчикѣх, (во) дворѣх; целѣи, целоване, беглеца, меховыи, (в) дѣлех, налево, по лесѣ 2. дѣлили, ѿдѣлили, дѣтеи (3), дѣтми (8), ѿ рѣки; велит, детми (2), делили, деленыи (4), деленаа (3), ѿделили, обидети (3), ѿбидети (2), по рекѣ, (в) рекѣ, седат, (от) реки, дети божарских (2) 3. старѣишим (2), старишии, старишии 4. въ бовыкинѣ, въ братствѣ, (в) городѣ (5), в дшегѣбствѣ (7), въ ѿчнинѣ (8), подлѣ, во кнѣжѣ, на третчикѣ, на тиоунѣ, в ѣздѣ (2), на ѣкраинѣ, в ѣроцѣ, (в) фѣдоровѣ, (в) фѣдровѣ; в дѣле, по исправе, в [л]ѣсе, (о твоём добрѣ) или о лисе, на мѣсте, на ѿбе, въ пластикове, на посаде (2), (в) ѣдѣле (2), ѣзде, мѣтри нѣше великіе кнѣги, мецѣрскіе волости; въ цркъвныи <...> пошлыны не встѣпатис, земли бортныи (4).

Из-за недостатка места классифицированные подобным образом материалы еще одиннадцати актов в статье не приводятся.

Семнадцать писцов XIV—XVI вв. [ЖГ 1; ЖГ 2; Пам. Ряз.: № 1-7, 9-12, 16, 17, 31, 41] довольно последовательно употребляют ь в соответствии с ископным [ѣ], находящимся под ударением. Отклонений от этимологического написания буквы ь встречается немного, все они получают различные объяснения и не служат показателями утраты фонемы [ѣ] в говоре данных писцов.

Так, в трех грамотах в соответствии с [ѣ] под ударением перед твердыми согласными (А 1.) в местоимениях встретилаь буква и: со всим тимъ, со всим тим [Пам. Ряз.: № 1]; со всим с тим [Пам. Ряз.: № 2]; тим людем [Пам. Ряз.: № 3]. Эти формы могли возникнуть, как указывал А. А. Шахматов, не фонетическим путем, а под влиянием форм *им. мн. вси, ти* [Шахматов 1903: 107].

В двух актах — написания *e* на месте *ъ* перед буквами, обозначающими мягкие согласные (А 2.): в речку [Пам. Ряз.: № 31]; по детех, вечных благ, но в синадик в въчиаи [Пам. Ряз.: № 41].

Как известно, в положении между мягкими согласными [e] открытое становилось более закрытым, что создавало условия для совпадения в живой речи звуков [ě] и [e], поэтому на месте *ъ* могла появиться буква *e*.

Перед мягкими же согласными на месте ударного йотированного [ě] (А 2.) один раз употреблена буква *ε*: оуезде [Пам. Ряз.: № 6] и два раза буква *e*: придет (2) [Пам. Ряз.: № 7]. Оба акта относятся к XV в., и в них имеется специальная буква *ε* широкое — для передачи йотированного [e]. Как отмечалось не раз исследователями, йотированный звук [e] и йотированный [ě] под ударением сближались по качеству или почти совпадали в одном звуке [Шахматов 1903: 136; Васильев 1910: 189; Иванов 1960: 219]. Отсюда возникала возможность замены букв *ъ* и *e* (*ε*) в таких памятниках, в которых они обычно не смешивались.

Скорее всего под влиянием последующего [j] (А 3.) происходило сближение [ě] с [и], что нашло отражение в различных написаниях имен собственных одной и той же грамоты: наряду с Тимовьёю находим Тимооием, Ѡсиёвы, но Тимооои [Пам. Ряз.: № 31]⁶.

Под ударением в открытом слоге конца слова (А 4.), как правило, пишется буква *ъ*. Особый интерес представляет написание в этой позиции буквы *ε* в середине строки Договорной грамоты 1496 г. [Пам. Ряз.: № 7] — мнє, о чем будет сказано ниже.

Как видно из приведенных примеров, большинство рассматриваемых рязанских писцов XIV—XVI вв. в сильном ударном положении лишь в крайне редких случаях, позиционно обусловленных (перед мягкими согласными и [j]), в соответствии с этимологическим [ě] могут употреблять буквы *e*(*ε*) или *и*. Обычно в положении перед твердыми согласными и в большинстве случаев перед мягкими и [j], а также в открытом слоге конца слова в соответствии с ударным [ě] находим букву *ъ*. В то же время в соответствии с ударным [e] из **e* и **ь* те же рязанские писцы XIV—XVI вв. последовательно пишут букву *e*, что лишний раз говорит о сохранении в говоре этих писцов особой фонемы [ě].

⁶ В. В. Иванов одно из объяснений подобных написаний в волоколамских грамотах XV—XVIII вв. видит в возможном влиянии таких «церковных форм, как Алексий, Сергей, известных в древнерусском языке» [Иванов 1960: 218].

Только у двух писцов XVI в. [ѣ] и [е] совпали, видимо, в одном звуке.

В Купчей грамоте 1515—1516 г. Семен Злобин сын Ворынаева [Пам. Ряз.: № 13] лишь в застывшем обороте «льта ЗКД» использовал ь, а в остальных случаях — только е: с лесы, со всем с тем; своим детем, (в) ьезде, со всеми; Ѡндреевич; себе *дат. ед.*; вероятно, в сознании писца конечный звук ассоциировался с [е], а не с [ѣ], если он нашёл возможным использовать прием сокращенного написания, при котором буква, подобная той, которая стоит перед выносной, второй раз не пишется: на том сел = на том селе [см.: Филиппова 1963: 76]; в безударной позиции у него отмечены написания лишь на конце открытого слога: ь — на Тетевкинъ, е — на Екиматове, в ьезде.

Борис Истомир сын Гавардовского в Купчей грамоте 1570—1571 гг. [Пам. Ряз.: № 34] в одном слове написал е вместо ь: крепости, в остальных случаях в соответствии с ударением стоит ь; в безударных слогах — ь, е, ы (об этом см. ниже).

В безударной слабой позиции не только эти два писца XVI в., в говоре которых скорее всего утратилась фонема [ѣ], заменяют ь другими буквами.

В Жалованной грамоте в. кн. ряз. Олега XIV в. (два писца) и в Жалованной грамоте в. кн. ряз. Анны XV в. [Пам. Ряз.: № 3] помимо ь пишутся буквы љ и е, обозначающие безударные йотированные звуки (см. приведенный выше материал в группе Б).

Большинство писцов XV—XVI вв. в безударном положении используют буквы ь и е [Пам. Ряз.: № 5, 6, 9, 13, 16, 17, 31]. К этой же группе можно отнести акты XVI в., в которых кроме ь, е встречается буква и в безударных окончаниях дат.-местн. пад. твердой разновидности под влиянием окончания мягкой разновидности склонения сущ.: на рѣчки [Пам. Ряз.: № 11], по бабки (3) [Пам. Ряз.: № 41], а также Купчую грамоту XVI в., в которой при подобном же воздействии могли появиться формы «на рѣчки на Терѣвки» [Пам. Ряз.: № 34]. Если предположить, что в языке писца существовало смягчение заднеязычного после [ч'], т.е. писец произносил [р'еч'к'а], а наряду с этим и [т'ер'ајевк'а]⁷, то оказываются объяснимыми гиперкорректные написания с = ы указанных форм, а также и все другие случаи употребле-

⁷ О возможности подобного смягчения [к'] см. в работе П. С. Кузнецова, который писал: «Эти формы возникли по аналогии к таким, где мягкое к развилось фонетически» [Борковский, Кузнецов 1963: 113].

ния у данного писца буквы *ы* после *ж*: *зааменскими, всакым, ни в кокых, кокые, ыбыткы, Го[в]рила Иванов снъ Бровкыи*⁸.

Наибольшее разнообразие передачи безударного звука отмечено в Договорной грамоте ряз. князей 1496 г. [Пам. Ряз.: № 7]: перед буквами твердых и мягких согласных — *ъ, е*; перед [j] — *ъ, и, і*; на конце слов в открытом слоге — *ъ, е, и, е*. Во всех этих случаях вполне допустимо сближение [ѣ] со звуками, обозначенными соответствующими перечисленными буквами.

Приведенные выше написания буквы *е*, а иногда и других букв гласных, в соответствии с этимологическим [ѣ] относятся к слабой безударной позиции; они хотя и принимаются во внимание, но не могут считаться решающими при рассмотрении вопроса о том, сохранился ли в говоре рязанских писцов, представленных изучаемыми источниками, [ѣ] как самостоятельная фонема.

Не случайно, видимо, обратная мена (*ъ* вм. *е*) отмечена в единичных случаях лишь у нескольких писцов XVI в.: в заимствованном из ср.-греч. *κελλαρῖος* [Фасмер 2: 221] слове «къларь» [Пам. Ряз.: № 10], где *ъ* соответствует безударному звуку; в форме «ѣе» [Пам. Ряз.: № 16] с *ъ* в соответствии с йотированным безударным звуком; в конечном открытом слоге на месте также йотированного звука формы «чьъ», написанной два раза [Пам. Ряз.: № 17]; в собственных именах «Гжсьновъ» [Пам. Ряз.: № 10] и «Васкя Евсьвиавъ» [Пам. Ряз.: № 41] с неясной этимологией.

Следовательно, у анализируемых писцов фактически нет показательных примеров замены в ударной и безударной позициях буквы *е* буквой *ъ*. А как писал В. В. Виноградов даже замена *ъ* через *е* «без примеров обратного смешения не может быть признаваема за отражение соответствующих процессов» [Виноградов 1923: 230]. В письме подавляющего большинства рассматриваемых рязанских писцов XIV—XVI вв. буква *ъ* была противопоставлена по употреблению букве *е* и обозначала звук, отличающийся под ударением по качеству от соответствующего звука, что может указывать на сохранение в говоре писцов фонемы [ѣ].

⁸ С. И. Котков по-другому объясняет подобные написания — как «угасающие отзвуки интересующего нас древнерусского свойства заднеязычных согласных» [Котков 1963: 133] (сохранение твердости в сочетаниях *кы, гы, хы* — И. Ф.). Однако, смягчение [к'], отразившееся в написаниях *Ларкя* [Пам. Ряз.: № 11] и *Васкя* [Пам. Ряз.: № 41], не могло появиться до завершения перехода *кы, гы, хы* в *ки, ги, хи*.

Довольно последовательное использование отдельными писцами букв ь на месте ударного и е в соответствии с безударным исконным [ě] не следует безоговорочно связывать только с графико-орфографическими приемами письма. В таком случае трудно объяснить достаточно четкое разграничение рязанскими писцами под ударением этимологического [*ě], передаваемого буквой ь, и [e] из *е, *ь, передаваемого буквой е (примеры см. ниже), а также преобладание буквы е в соответствии с заударным [ě] в конечном открытом слоге надежных окончаний. Указанные написания отражали, вероятнее всего, фонетические особенности живого языка писавших. Возможно, в конечном открытом заударном слоге создавались наиболее благоприятные условия для совпадения [ě] и [e].

Разбирая выявленное Л. Л. Васильевым употребление в московских грамотах XIV—XVI вв. букв ь и е в зависимости от ударения, В. В. Виноградов писал: «Но факт существования московских памятников, в которых наблюдаются исключения из открытого Л. Л. Васильевым для литературного языка правила употребления ь и е, не говорит за то, что все явления, связанные с употреблением ь и е в московских рукописях, должны быть признаваемы за чисто графические особенности... Скорее, наоборот, из этого факта можно сделать вывод, что соблюдение подмеченной Л. Л. Васильевым орфографии ь и е оказывается в высшей степени трудным и даже невыполнимым без фонетического критерия в живой речи, и что, следовательно, писцы, последовательно проводившие эту орфографию, проверяли ее на своем говоре» [Виноградов 1923: 256].

Трудно представить себе, чтобы рязанские писцы могли последовательно проводить одну какую-либо графико-орфографическую черту, не связанную с живым произношением, допуская значительные отклонения от традиционного письма в других случаях.

Например, даже в самой ранней из рассматриваемых грамот — в Жалованной грамоте в. ряз. кн. Олега Ивановича ок. 1371 г. — вопреки традиции, как отражение живого произношения, появились написания *што*, *вонь* (вм. *онь*), *хто*, *бортники* наряду с традиционным *бортници* и т. д. [Соболевский 1913: 6].

В грамотах XV—XVI вв. отражается неразличение безударных [o] и [a] и другие фонетические особенности живой речи писцов.

Создатель Данной Богоявленскому Борковскому монастырю 1575—1576 г., подписавшийся «Васкя Евсъвиавъ снъ» [Пам. Ряз.: № 41], тоже последовательно разграничивает употребление букв ь и е. В то же время на письме нередки написания *а* вм. *о* и наоборот: на *Борак*, *каторай*, по *сваем*, по *Федоравичи*, по *маем*, по *Аорасили*, на *Дрте-*

моне, по Фамѣ, радители, Ремесав, у данаи, егорьевскаи, Борисав; Тотияне, изтори; встречается *я* (*ja*) вместо *е*: по Иване Григорявичи, по Якове Григорявичи, со всяким угодиам, Васкя Евсъвиавъ и др.

Писец Грища Степанов сын Любавского [Пам. Ряз.: № 12] вм. *а* пишет *о* и наоборот: ко агорѣломѣ, срок аброкѣ, покосав; не похат, роспошѣ; вм. буквы *я* (*а*) — *е*: ис колодезе; вм. *е* — *а*: выша и т. д.; в соответствии с этимологическим [ѣ] под ударением пишет только *ѣ*, а в соответствии с [е] (из **е* и **ь*) — только *е*: ѣхал, лѣт, дѣтем, дѣти (2), помѣсти, помѣстем, на рѣчки, мнѣ, всѣ; землю, верхъ, вешней, ден. Все это лишний раз говорит о том, что разграничения в употреблении *ѣ* и *е* свидетельствуют не только об определенных правилах письма, но и о различном качестве звуков, которые они обозначают.

Большой интерес представляют написания, которые дают возможность высказать предположение о характере звучания фонемы [ѣ] в языке отдельных рязанских писцов XV—XVI вв.

У писца Договорной грамоты 1496 г. [Пам. Ряз.: № 7] в середине строки встретилось написание «мне». Букву *е* (наряду с *е*) данный писец использует только для передачи йотированного [е], т. е. [ѣ]. В этой грамоте нет ни одного случая, когда бы буква *е* стояла в соответствии со звуком [е] нейотированным. К тому же во всех других случаях под ударением в открытом слоге конца слова (А 4.) в соответствии с [ѣ] в этой грамоте пишется только *ѣ*, в том числе форма «мнѣ» встретилась у писца 26 раз. Поэтому есть основания предположить, что в данном случае при написании «мне» в открытом слоге конца слова писец графически передал особое звучание [ѣ], отличное от [е], скорее всего дифтонгического характера, т. е. [ѣе].

Два раза при передаче прямой речи в Правой грамоте рязанских писцов Гриди Кобякова и Вериги Негодяева 1530 г. [Пам. Ряз.: № 17] отмечено написание *ѣ* в форме «чѣѣ»: «чѣѣ то ѡзеро», «чѣѣ то ѡзерко». Так как в грамоте нет отражения изменения [’ѣ] в [’ѡ], что имеет место и в целом ряде современных рязанских говоров⁹, то можно предположить, что форма «чѣѣ» звучала как [ч’ѣе], ср. написания с *и*, а не *ѣ* в подобных же условиях, отражающие особенности живого произношения: подиячей, Тотияне, со всяким угодиам [Пам. Ряз.: № 41]. Употребление *ѣ* на месте возможного [ѣе] косвенно указывает на дифтонгический характер [ѣ] в говоре писца.

Как уже отмечалось выше, в рассматриваемых рязанских материалах встретилось употребление буквы *ѣ* в иностранном слове *кляръ* [Пам. Ряз.: № 10 — 1507 г.]. Разбирая графические особенности

⁹ См.: Комментарий и карту № 15 (автор В. Г. Орлова) [Атлас 1957].

Сборника Чудова монастыря № 20, связанные с употреблением букв ь и е в этой рукописи, В. В. Виноградов отметил: «В Чудов. Сборнике не находим примеров замены е через ь; ...аньгль 286 а 10; кьяль 285 а и др. под. (при келья 285 с) — могли действительно иметь звук ь. Ср. ѣ в иностранных словах в некоторых современных говорах, напр., Егорьевск. у., Ряз. губ.» [Виноградов 1923: 232]. Высказывание В. В. Виноградова дает возможность предположить, что в написании «кьяль» отразилось дифтонгическое произношение [ѣ] в говоре рязанского писца, т. е. [іе].

Такое же косвенное указание на характер звучания [ѣ] как [іе], может быть, отразилось и в написании «ѣе» [Пам. Ряз.: № 16 — 1529 г.], ср. интерпретацию подобных написаний в Лаврентьевском списке летописи, данную В. В. Виноградовым: «Случаи постановки ь вместо е — совершенно исключительные — во всех почерках Лаврентьевской лет. наблюдаются в определенном положении — после і: вработѣе 33; заоутреѣ 162 а ...давая, быть может, некоторые указания на самый характер произношения ь (ь близко к іе)» [Виноградов 1923: 230-231]. Именно такое произношение на месте исконного [ѣ] отмечается в ряде современных рязанских говоров: д. Плахино, д. Новопапское, с. Катагоща, с. Троицкое, с. Федоровское, с. Хавертово, с. Ижеславль, с. Печерники, с. Семенск, с. Казарь, с. Долгинино, с. Которово, с. Ермолово, с. Щербатовка Рязанской области. Авторы ответов на «Программу собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка» приводят произношение [іе] не только в положении перед твердыми согласными, но и в открытом слоге конца слова: ф с'ал'іе (н. п. 564 — д. Плахино); ф стар'іе (н. п. 570 — с. Троицкое); дв'іе (н. п. 574 — с. Хавертово); у с'астр'іе (н. п. 581 — с. Семенск) и др.¹⁰ Наличие особой фонемы на месте этимологического [ѣ] в современных рязанских говорах Р. И. Аванесов отметил в Елатомском, Сасовском, Копобеевском районах; на западе — в Рыбновском, Солотчинском, Спасском; на юге — в Захаровском, Октябрьском, Пронском районах Рязанской области [Аванесов 1952].

Относительно судьбы [ѣ] в рязанских говорах XVII в. у исследователей, работавших по рукописным источникам, сообщения противоречивые. Так, В. Н. Новопокровская утверждает, что «в рязанских говорах XVII в. звук, обозначаемый буквой ь, под ударением произносился как е» [Новопокровская 1956: 7]. Автор отмечает, что «бук-

¹⁰ См.: Комментарии и карты № 16, 17 (автор В. Г. Орлова), № 19 (автор К. Ф. Захарова) [Атлас 1957].

вы *e* и *ѣ* смешиваются во всех положениях», но приводит всего три примера постановки *e* на месте *ѣ* (*хлеб, человеку, сено*), случаев обратной замены нет. Видимо, более близка к истине Г. С. Галкина, которая в языке одних писцов видит отражение начального этапа в процессе утраты звука [ѣ] как фонемы, в языке других — сохранение особого произношения [ѣ] [Галкина 1961: 9].

Свидетельства сохранения фонемы [ѣ] в сильном ударном положении перед твердыми согласными в языке большинства рязанских писцов, представленных нашими материалами XIV—XVI вв., подтверждаемые наблюдениями над рукописными материалами XVII в. и данными современной лингвистической географии, ставят под сомнение вывод Е. Будде о том, что «*ѣ* стало разделять судьбу *e* в акающих говорах еще до того времени, когда в самом аканье наблюдались оттенки, и когда появились говоры с полным аканьем и с умеренным, т. е. раньше XIV в. значительно» [Будде 1892: 204]. Вероятнее всего, процесс неразличения [ѣ] и [e] в рязанских говорах начался позднее, в XVI в., уже тогда в неравной степени охватывал различные территориальные группы древней Рязанской земли и продолжается в Рязанской области до настоящего времени.

Обычно сохранение фонемы [ѣ] в говоре Москвы XIV—XVII вв. связывали с северновеликорусской основой. К такому выводу приходили исследователи, опираясь лишь на показания рукописных источников северновеликорусского происхождения.

Исследование большого числа южновеликорусских памятников XVII в. позволило С. И. Коткову обоснованно сделать вывод о том, что это *ѣ* «не северновеликорусское или южновеликорусское, а в известной мере, можно сказать, общевеликорусское» [Котков 1963: 52]. Данные рязанских деловых документов XIV—XVI вв. подтверждают этот вывод.

Нет оснований считать сложение в рязанской письменности графико-орфографической системы, в которой *ѣ* пишется под ударением, а *e* в безударной позиции, результатом «влияния литературного языка и связанной с ним орфографии» [Виноградов 1923: 258]. Графико-орфографическая система употребления *ѣ* — *e*, представленная в грамотах XIV—XVI вв., основанная на живых языковых процессах, протекавших в говоре рязанских писцов этого периода, была в известной мере самостоятельной, но настолько, насколько живые языковые явления этого региона отличались от изменений, протекавших в иных местах великорусской территории, и поэтому в то же время имела общерусский характер.

Список источников и литературы

- Аванесов 1952 — *Аванесов Р. И.* Лингвистическая география и история русского языка // ВЯ. 1952. № 6.
- АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. 1.
- АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси / Изд. подг. И. А. Голубцов. М., 1964. Т. 3.
- Атлас 1957 — Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. М., 1957.
- Борисова 1956 — *Борисова Е. Н.* Из истории некоторых слов бытовой лексики (на материале рязанских памятников XVI—XVII вв.) // Учен. зап. Балашовского пед. ин-та. 1956. Т. 1.
- Борисова 1957а — *Борисова Е. Н.* Лексика различной домашней утвари в рязанских памятниках XVI—XVII веков // Учен. зап. Балашовского пед. ин-та. 1957. Т. 2.
- Борисова 1957б — *Борисова Е. Н.* Из истории бытовой лексики рязанских памятников XVI—XVII вв. Автореф. канд. дисс. Балашов, 1957.
- Борковский, Кузнецов 1963 — *Борковский В. И., Кузнецов П. С.* Историческая грамматика русского языка. М., 1963.
- Будде 1892 — *Будде Е.* К диалектологии великорусских наречий. Исследование особенностей рязанского говора // РФВ. Варшава, 1892. Т. 27. № 2.
- Васильев 1905а — *Васильев Л. Л.* К истории звука ь в московском говоре в XIV—XVII веках // Изв. ОРЯС 1905 г. СПб., 1905. Т. 10. Кн. 2.
- Васильев 1905б — *Васильев Л. Л.* Богдановский Златоуст XVI века // Изв. ОРЯС 1905 г. СПб., 1905. Т. 10. Кн. 3.
- Васильев 1910 — *Васильев Л. Л.* Несколько данных о звуковом качестве буквы ь // Изв. ОРЯС. Т. 15. Кн. 3.
- Виноградов 1923 — *Виноградов В. В.* Исследования в области фонетики севернорусского наречия. Вып. 1: Очерки по истории звука ь в севернорусском наречии // Изв. ОРЯС 1919 г. Пг., 1923. Т. 24. Кн. 2.
- Галкина 1958 — *Галкина Г. С.* Морфологические особенности рязанских говоров XVII—XVIII вв. // Учен. зап. Тульского пед. ин-та. 1958. Т. 8.
- Галкина 1959 — *Галкина Г. С.* К истории рязанских говоров XVII—XVIII вв. (фонетические особенности) // Учен. зап. Тульского пед. ин-та. 1959. Т. 11.
- Галкина 1961 — *Галкина Г. С.* Язык рязанских деловых документов XVII—XVIII вв. (фонетика и морфология). АКД. Тула, 1961.
- Иванов 1960 — *Иванов В. В.* Из истории волоколамских говоров XV—XVIII вв. // Учен. зап. Ин-та славяноведения. 1960. Т. 19.
- Котков 1963 — *Котков С. И.* Южновеликорусское наречие в XVII столетии. М., 1963.
- Новопокровская 1956 — *Новопокровская В. Н.* Диалектные особенности рязанских говоров XVII в. АКД. Рязань, 1956.
- Новопокровская 1958 — *Новопокровская В. Н.* О некоторых особенностях вокализма рязанских говоров XVII в. // Учен. зап. Орловского пед. ин-та. 1958. Т. 8. Вып. 5.
- Пам. Ряз. — Памятники русской письменности XV—XVI вв. Рязанский край / Подг. С. И. Котков, И. С. Филиппова. М., 1978.

- Пискарев 1854 — *Пискарев А. Н.* Древние акты и грамоты Рязанского края. СПб., 1854.
- Рязанские достопамятности 1889 — Рязанские достопамятности, собранные архимандритом Иерошимом, с примечаниями Добролюбова. Рязань, 1889. Сборник МАМЮ — Сборник Московского архива Министерства юстиции. М., 1913. Т. 1. Ч. 1.
- Соболевский 1913 — *Соболевский А. И.* Несколько замечаний о грамоте // Сборник Московского архива Министерства юстиции. М., 1913. Т. 1. Ч. 1.
- Фасмер 2 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1986. Т. 2.
- Филиппова 1963 — *Филиппова И. С.* Об одной графической детали в скорописи XVII в. // Лингвистическое источниковедение. М., 1963.
- Шахматов 1903 — *Шахматов А. А.* Исследование о языке Двинских грамот. СПб., 1903.
- Юшков 1898 — *Юшков А.* Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены крепостничества. М., 1898.